

16+

ДЕЛО О ПРОПАВШЕЙ КАРТЕ

История, написанная для вас

АЙДЕТОПИСЬ

Дело о пропавшей карте

История, написанная для вас

16+

Глава 1. Пустая папка

Ключ висел на гвозде за стойкой выдачи, рядом лежал журнал, привязанный к гвоздю шнурком от ботинка. Шнурок появился лет десять назад, и никто не помнил, кто его придумал. Вера Павловна надела очки, вписала в графу «8.40, В. П.», расписалась и только после этого сняла ключ. Он был один на всю библиотеку, тяжёлый, с медной бирочкой, на которой когда-то давно вывели номер, а теперь тот стёрся до тени.

В читальном зале было пусто. Радиаторы уже включили, они пахли пылью и горячей краской, а на подоконнике сох забытый кем-то зонт. До открытия оставался час.

Дверь хранилища отпиралась в два оборота. Вера Павловна повернула ключ и остановилась, потому что замок открылся слишком легко. Она проверила: язычок целый, личинка без царапин, косяк не тронут. Включила свет. Лампы над стеллажами мигнули и загорелись ровно.

Папка стояла там, где ей и полагалось, на второй полке слева, между атласом уездных земель и коробкой с межевыми планами. Серый картон, завязки, бумажный ярлык: «Ф. 3, ед. хр. 17. Карта города, рукопись, 1912 г.». Ярлык она надписывала сама, когда ей было двадцать семь.

Она сняла папку и почувствовала, какая та лёгкая.

Завязки были затянуты бантом. Вера Павловна никогда не завязывала бантом, только узлом в два витка, но об этом она подумает потом. Сейчас она развязала папку, положила на стол под лампой и раскрыла. Внутри лежал чистый лист прокладочной бумаги, и больше ничего.

Она подержала этот лист в руках. Потом аккуратно вернула на место и пошла вдоль полок.

Ед. хр. 16, ед. хр. 18. Рядом атлас, межевые планы, четыре тома посемейных списков, футляр с фотопластинками. Она пересчитывала вслух, беззвучно, одними губами, как считала все сорок лет: раз, два, три. Всё было на месте. Не хватало одной вещи размером в развёрнутую газету, рукописной карты города, нарисованной тушью и акварелью, с лодочными станциями, которых давно нет, и с улицей, которую потом переименовывали трижды. Из-за этой карты в районной администрации поставили выставку к юбилею города. Из-за неё же в читальном зале уже неделю пахло свежей краской: красили стенды.

Вера Павловна закрыла глаза и вспомнила субботу. Половина третьего, стол под лампой, карта в прозрачном конверте, она сама проверяла углы на просвет и сама вернула её в папку. Затянула узлом, в два витка. Память не подвела бы. Память у неё была из тех, что вызывают неловкость у окружающих.

Значит, подвёл кто-то другой.

— Вера Павловна! — раздалось из зала. — Вера Павловна, я почту принёс, тут вам три письма и это... счёт за отопление, но он, по-моему, не вам, а вообще... Вы где?

Тимофей вошёл в хранилище, не дожидаясь ответа: долговязый, взъерошенный, рюкзак курьера съехал на локоть. Он посмотрел на раскрытую папку, потом на Веру Павловну.

— А там что, ничего?

— Ничего.

— В смысле — совсем? А карта? Это же... — Он замолчал и тут же заговорил снова, быстрее. — Подождите, может, её на реставрацию? Или в другую

папку? Я в прошлом году в областном архиве видел, у них одну вещь...

— Тимофей, не дышите на полки.

— Я не дышу. Я думаю. — Он зажал рот ладонью, но ненадолго. — Это же я могу помочь. Я по факультету знаю, как в таких случаях... ну, в теории. Я всё могу сделать. Обзвонить, обойти, спросить.

— Спросить кого?

— Ну... всех.

— Пока не надо никого.

Она сказала это так же ровно, как говорила всё остальное. Тимофей кивнул, но было видно, что кивок продлится минуты три.

Директор появился раньше. Его шаги узнавались издали: он ходил, будто нёс на подносе что-то хрупкое, но сегодня туфли стучали часто и невнопад. Семён Аркадьевич остановился в дверях хранилища, и Вера Павловна отметила, что галстук на нём, как всегда, безупречен, а лицо блее воротничка.

— Вера Павловна, голубчик, мне сказали... Мне на вахте сказали, что вы с утра в хранилище, и я подумал... — Он посмотрел на стол. — Боже мой. Давайте без паники.

— Я не паникую, — сказала она.

— Вот и прекрасно, вот и умница. Это недоразумение, разумеется. Наверняка переложили, наверняка в связи с подготовкой... — Он говорил и одновременно перекладывал что-то с руки на руку. Под мышкой у него была толстая картонная папка с надписью «Годовые отчёты», и он прижимал её к боку, как прижимают зонт в толпе. — Давайте так. Никому ни слова. Ни читателям, ни администрации, тем более. Выставка через неделю, вы понимаете, что начнётся, если поползут слухи? Мы всё найдём сами, тихо, по-семейному.

— Отчёты сданы в сентябре, — сказала Вера Павловна.

Он моргнул.

— Простите?

— Я про папку. Отчётность мы сдали в сентябре.

— Ах, это! — Семён Аркадьевич посмотрел на свой бок так, будто впервые его увидел. — Да, да, разумеется. Хочу, знаете, сверить кое-что. Для будущего года. Порядок, голубчик, порядок.

Он протянул ей руку, то ли для пожатия, то ли чтобы успокоить, и она пожала. Ладонь оказалась мокрой и холодной, будто он только что вынул её из воды. В хранилище было прохладно, батареи сюда не доходили.

— Значит, договорились, — сказал он, уже отступая в коридор. — Ни слова.

Шаги затихли. Вера Павловна вытерла ладонь о кардиган, не сразу, а когда Тимофей отвернулся к полке.

Суббота, половина третьего. Она повторила это про себя дважды, как повторяют номер телефона. Раз карты нет, спросят, когда она видела её в последний раз, и ответ придётся доказывать. Не словами. Бумагами.

— Вера Павловна, — сказал Тимофей. Он стоял очень прямо, для него это было большое усилие. — Журнал ключей. Он же всё расскажет, да? Кто и когда. Он там, у гвоздя, я мигом.

— Тимофей...

Но рюкзак уже мелькнул в дверях, и в читальном зале хлопнула стойка выдачи.

Глава 2. Журнал ключей

Журнал Тимофей принёс, прижимая к груди, как приносят больного котёнка. Толстая амбарная книга в коленкоровом переплёте, на корешке жирным маркером: «Ключи. 2-е полугодие».

— Вот, — сказал он и раскрыл на закладке из чека. — Я всю пятницу и выходные просмотрел. Пальцем водил, чтобы не соврать. Пятница, вечер: ключ вернули в 18:05, это вы. Дальше пусто. Суббота...

Вера Павловна надела очки с цепочки. Почерк был её собственный, мелкий, без нажима, с длинным хвостом у «П».

— «Вера П., — прочла она вслух. — Суббота, 15:10, 15:40».

— Дальше воскресенье. — Тимофей ткнул ногтем ниже. — «С. А.». Девятнадцать сорок, двадцать ноль пять. Двадцать пять минут. И всё. Больше никого, Вера Павловна, я и на другую страницу заглянул, вдруг вписали не туда. Ключ один, гвоздь один, за выходные двое. Вы и он.

— Я вижу.

— Я просто говорю, что это, ну... — Он вдруг замолчал и стал похож на человека, который случайно наступил на чужую тень.

Вера Павловна смотрела на цифры. Половина третьего, думала она. Она помнила именно половину третьего: часы в читальном зале, стрелки под углом, и как она несёт папку к столу. А в журнале стояло десять минут четвёртого. Сорок минут разницы. Она перечитала запись ещё раз, медленно, как читают чужую расписку.

Дверь кабинета приоткрылась без стука.

— Голубчик, я на минуточку. — Семён Аркадьевич вошёл боком, с той же папкой под мышкой, и улыбнулся обходительно, широко, будто принёс хорошую новость. — Я тут подумал. Вы не пробовали предположить, что карту отправили на переплёт? Перед выставкой, знаете, это естественно: укрепить, подклеить. Может, кто-то из мастерской, по старой договорённости... Давайте выясним, а не будем сразу мрачные мысли думать.

— Переплёта я не заказывала, — сказала Вера Павловна.

— Ну, может быть, не вы. Может быть, я. То есть я, конечно, не помню, но в суете... — Он поймал взгляд Тимофея, устремлённый на журнал, и улыбка стала чуть шире. — А, вы уже смотрите. Вот и славно. Смотрите, смотрите. Давайте без паники.

Когда он ушёл, в кабинете остался запах хорошего одеколона и сырости от его пальто.

— Он в воскресенье приходил, — тихо сказал Тимофей. — В двадцать ноль пять. Вечером. Зачем директору вечером в воскресенье...

— Иди разноси почту, — сказала Вера Павловна. — Уже три.

Он ушёл, слегка волоча рюкзак по полу. Она проводила его глазами и закрыла журнал.

К восьми вечера читальный зал опустел. Уборщица прошла с ведром, погасила у входа свет и ушла, оставив запах мокрой тряпки, слившийся с запахом радиаторов. Вера Павловна сидела в кабинете под одной лампой. Перед ней лежали субботние бумаги: листок с пометками, копия описи, её собственная записная книжка. Она раскладывала их в разном порядке. Опись. Пометки. Опись.

Карту она пересчитала по листам. Шесть склеек, надрыв у нижнего угла, пятно в левом поле, похожее на карту Африки. Всё было в описи, всё она помнила. Оставалось сорок минут. Она положила ладонь на записную книжку, будто та могла нагреться. Раньше такого не случалось. Раньше она не проверяла себя по вечерам. То есть проверяла, конечно, но так, для порядка, и никто об этом не знал.

— Вера Павловна.

Она не вздрогнула, только медленно сняла очки. В дверях стоял Тимофей, без рюкзака, отчего казался ещё длиннее.

— Ты почему не дома?

— Я видел свет. С улицы. — Он вошёл и остановился у стола, глядя на разложенные листки. — Вы себя проверяете. Да?

— Я работаю.

— Нет, вы проверяете. Я знаю, у меня мама так с квитанциями. — Он потёр затылок, волосы встали ещё круче. — Слушайте. Вы не могли ошибиться. Вы сорок лет здесь. Вы помните, где у нас каждая единица лежит, даже те, что я ни разу не видел. Если вы сказали, что вернули карту в субботу, значит, вернули.

— Я сказала «в половине третьего». А записано десять минут четвёртого.

— Ну... часы могли... — Он осёкся. — Ладно. Не в этом дело. Мне надо вам кое-что сказать, и я сейчас скажу, а вы потом можете меня выгнать.

Вера Павловна ждала. Тимофей вытащил из кармана телефон и положил на стол экраном вверх, как кладут улику.

— Я сегодня утром, пока бежал к стойке, ещё до того как вам показал... Я щёлкнул. Страницы журнала. Всю

неделю, и предыдущую тоже. Зачем, сам не знаю. Само вышло. Потом стало стыдно, и я не говорил. Вы же не разрешали.

— Не разрешала, — сказала она.

— Знаю. — Он быстро продолжил, глотая слова: — И ещё. Тут другое, может, ерунда. На прошлой неделе Семён Аркадьевич дал мне конверт, велел отвезти «в администрацию». Я приехал, а адрес на конверте другой. Набережная, дом с чугунными воротами, не администрация. Я отдал. Мне там в дверях кивнули, даже расписаться не попросили. Я подумал: ну директор, ему виднее. А теперь думаю...

Он не договорил. Вера Павловна взяла телефон. Экран был маленький, страницы на нём вышли резкие, каждая строчка читалась, включая её «П» с хвостом. Она увеличила пальцами воскресенье. Потом пятницу. Потом ещё страницу назад.

— Дай мне копию, — сказала она. — Лучше распечатанную. Экран я плохо вижу.

— Завтра с утра распечатаю. — Он вдруг замер. — Вы меня не выгоняете?

Вера Павловна сложила очки и положила их поверх записной книжки.

— Журнал ключей показывает, кто входил в хранилище. Но не показывает, что оттуда выносили. Для этого есть журнал выдачи. — Она помолчала. — Проверим вместе.

Тимофей кивнул раз, другой, а потом пошёл искать, где в библиотеке стоит принтер, который не путает кириллицу.

Глава 3. Задним числом

В среду Вера Павловна читала журнал выдачи так, как читала его сорок лет: сначала пальцем по левому полю, потом глазами по строкам. Тимофей стоял рядом с распечатками на коленях, но прочёл он всё это уже вчера.

Журнал был толстый, в коричневом коленкоре, с потёртыми углами. Графы расчерчены ещё при прежнем директоре: дата, шифр, единица хранения, кому выдано, цель, подпись, возврат. Записи шли ровно, синей пастой, её собственной рукой и рукой Гали из абонементов. Двадцать четвёртое число, пятница, потом пустая полоса до понедельника. На этой полосе, между последней строкой пятницы и чистым полем, стояла запись. Она была втиснута мелко, наискось, буквами вдвое меньше обычных:

«Сб. 25.10. Шифр Ф. 3, ед. хр. 17. Карта г. Н. 1912, рукоп. Передана на переплётные работы. С. А.»

Вера Павловна достала из кармана кардигана лупу. Ручка была другая, фиолетовая, с жирным нажимом, а во всём журнале за месяц такой пасты не было ни в одной строке. Подпись без фамилии, только инициалы, зато с тем хвостиком у «А», который директор ставил на приказах.

— Суббота, — сказала она. — Ключ в субботу брала я. С десяти минут четвёртого до без двадцати четыре. Карту я в переплёт не отдавала.

— А он?

— Он ключ брал в воскресенье. Вечером. — Она провела ногтем под строкой. — Запись про субботу сделана в воскресенье. Задним числом. Место ему пришлось искать между строк, потому что суббота у нас пустая: я в тот день ничего не выдавала.

— Это же... — Тимофей запнулся и махнул рукой. — Ну, то есть это подлог. Или как это у вас в архиве называется?

— В архиве это называется «исправление, не заверенное подписью». Подлог — это в другом месте.

Он хмыкнул, но телефон уже достал. Пока она смотрела на хвостик у «А», он что-то листал большим пальцем и вдруг сказал совсем другим голосом:

— Вера Павловна. Посмотрите.

На экране была страница сайта с объявлениями для коллекционеров, серая, без картинок. Между продажей почтовых марок и «эксклюзивных монет» значилось: «Частная сделка. Рукописная картография начала XX века, Поволжье. Осмотр в пятницу, по договорённости. Конфиденциально». Ниже стояло имя без фамилии и номер телефона с московским кодом.

— Я его в одном чате нашёл, — сказал Тимофей. — Он там пишет, что едет на юбилей города, «на выставку». Ему на выставку, понимаете? Не на карту смотреть, а с картой встретиться. Пятница. Завтра выставки нет, послезавтра открытие. Значит, в пятницу.

— Ты уверен?

— Нет. Но день совпадает, а я вообще не суеверный. — Он поймал её взгляд и поправился: — То есть суеверный, но не в этом смысле.

Вера Павловна закрыла журнал и придержала его ладонью, как придерживают дверь.

Директор вызвал её в четверг. Кабинет пах кофе и одеколоном, из тех, что называют «мужскими». Семён Аркадьевич сидел за столом, безупречный, как всегда, галстук лежал прямо, будто его утюжили. Вот только пальцы он то складывал домиком, то расцеплял.

— Вера Павловна, голубчик, присаживайтесь. Давайте без паники, я вас не ругать позвал. Напротив. — Он

вздыхнул с сочувствием, которое ему шло. — Я тут думал. Сорок лет. Сорок! Такие сроки в наше время вообще не выдерживает никто. Понятно, что глаз устаёт, память, простите, шалит. Суббота, воскресенье, кто что подписал... Любой бы запутался. Может, вам отдохнуть? Хоть до Нового года. Я оформлю всё как положено, с сохранением.

— Я помню всё до строчки, — сказала Вера Павловна.

— Ну зачем же так категорично.

— В субботу я выдач не делала. В журнале выдачи за субботу пусто. — Она сделала паузу ровно такую, чтобы он услышал её и не услышал больше. — Было пусто.

Он моргнул. Ладонь на столе оставила на полировке мутное пятно, и он, заметив, прикрыл его бумагами.

— Вот видите, — мягко сказал он. — Вы уже путаете «было» и «есть». Я не в упрёк.

— Я не путаю, Семён Аркадьевич.

Она встала. В дверях обернулась, и он сразу занялся ручкой на столе. Ручка была чёрная, обычная, казённая. Фиолетовой на столе не оказалось.

В коридоре у бухгалтерии стоял электрический обогреватель, и пахло горячей пылью. Из-за двери доносился щёлк калькулятора. Вера Павловна остановилась у окна, за которым на набережной как раз зажигали фонари. Всё, что она сегодня знала, она знала твёрдо. Подлог был: запись сделана в воскресенье, чужой рукой и чужой пастой, о субботе, когда карта лежала в папке. Но карты у неё не было. Бумага говорила, что кто-то лжёт. Она не говорила, где лежит то, о чём лгут.

Искать наугад значило рыться в шкафах у директора и в итоге оказаться той самой старухой, которая «путает». Она смотрела на стекло и видела на нём свой узел волос, очки на цепочке, тонкое отражение в сером.

И вспомнила. Не сегодня, а в понедельник, в 8.55, когда он вошёл в хранилище. Бледный, с влажными ладонями и с папкой под мышкой. «Годовые отчёты». Отчёты сдали в сентябре, она сама подписывала опись. Он держал эту папку так, как держат вещь, которую боятся уронить. И ни разу за весь разговор не переложил её на стол.

Тимофей нашёл её у подоконника. Он бежал, но затормозил на последнем шаге, чтобы не топтать.

— Ну что? Он вас выгнал?

— Отправил на отдых.

— Вот гад! — Он тут же вжал голову в плечи. — Простите. Что вы решили?

— Искать не буду. — Она сняла очки и протёрла их краем кардигана. — Он ждёт, что я стану бегать по кабинетам. А я соберу всех. В пятницу, в десять. Скажем: сверка фонда перед выставкой. Так делается каждый год, никто не удивится. Ты принесёшь распечатки. Оба журнала, рядом.

— И папку?

— Папку он принесёт сам. Он с ней не расстанется.

Тимофей кивнул, посмотрел на часы, потом на неё.

— А если он не придёт?

Вера Павловна надела очки. Через них она видела, как в конце коридора директорская дверь приоткрылась, потом закрылась снова.

— Придёт, — сказала она. — Объявление я напишу сама. Принеси мне лист бумаги и чёрную ручку.

Глава 4. Сверка

В десять часов в читальном зале сдвинули два стола. Пять человек сидели на стульях, которые никто не любил: у одного шаталась ножка, у другого была продавлена спинка. Галя из абонементов устроилась с краю и вертела в пальцах синюю ручку, словно её могли отобрать. Вера Павловна стояла у стола. Перед ней лежали распечатки, и Тимофей выравнивал их по краю так, что пальцы у него побелели.

Семён Аркадьевич вошёл последним, с опозданием в четыре минуты. Галстук был безупречен. Папки под мышкой не было.

— Голубчик, — сказал он Тимофею, — подвиньтесь. Итак, сверка. Дело почтенное, дело нужное. Прошу, Вера Павловна.

— Начнём с ключа, — сказала она. — Он один, и каждый раз за него расписываются. Это журнал за выходные. В пятницу ключ вернула я, в шесть с пяти. В субботу его брала я. В воскресенье, с семи сорока до восьми пяти вечера, его брал «С. А.». Больше никто.

— Я, помнится, заходил за очками, — сказал директор. — Или за бумагами. Давайте без паники.

— Паники нет. — Она перевернула лист. — В субботу я проверила карту. Держала её в руках, положила в папку и завязала узлом в два витка. Бант в понедельник завязан не мной.

— Позвольте, — директор поднял ладонь. — А время? Вы в журнале написали десять минут четвёртого, а говорите, что были в половине третьего. Я не в упрёк, годы, у всех...

Галя перестала вертеть ручку.

— Время я поставила позже, чем вошла, — ровно сказала Вера Павловна. — Порядок нарушила. Это моя строка, и я говорю об этом первой. Но в половине третьего карта лежала в папке. Теперь вот это.

Она выложила второй лист рядом с первым.

— Журнал выдачи, суббота, двадцать пятое. «Карта г. Н. 1912 года, Ф. 3, единица хранения 17, передана на переплётные работы». Запись вписана между строками, мелко, потому что места не осталось. Пятница и понедельник заполнены синим. Галя, вы пишете синим?

— Синим, — быстро сказала Галя. — Все у нас синим.

— А эта строка написана фиолетовым, единственная во всём журнале. Подпись «С. А.», хвостик у «А». Но в субботу выдач не было: я там была, я не делала. Ключ в воскресенье вечером взяли вы, Семён Аркадьевич. Значит, вписали вы в воскресенье, а поставили субботу.

Директор рассмеялся. Смех вышел на полтона выше, чем нужно.

— Это, простите, домыслы. Чернила! Я мог взять любую ручку, мне её любезно... Переплёт — дело обычное, я распорядился, возможно, устно, а вы, Вера Павловна, вы человек заслуженный, но в вашем возрасте... Я ведь предупреждал: отдых. Такое волнение перед выставкой. Право...

— Вы сегодня без папки, — сказала она.

Он замолчал. Кадык дёрнулся над воротничком.

— Какой папки?

— «Годовые отчёты». В понедельник вы принесли её в хранилище и не выпускали из рук. Отчёты сданы в сентябре, опись подписала я. Сегодня вы пришли без неё. Значит, оставили в кабинете. А сегодня в семь вечера, — она не повысила голоса, — у вас осмотр. На набережной, за чугунными воротами. Тимофей возил туда конверт.

Тимофей открыл рот, закрыл. Галя посмотрела на директора, потом в стол.

— Это... это возмутительно, — сказал Семён Аркадьевич. — Какие ворота? Я не обязан...

— Тимофей, — сказала Вера Павловна. — Папка на подоконнике в кабинете, за геранью.

— Вы не смеете, — директор привстал. Стул под ним скрипнул. — Без моего...

— Отчёты — документы библиотеки. Идите, Тимофей.

Тимофей вышел так быстро, что задел спинку стула. Ждали молча. Где-то в трубах булькала вода, на батарее сох чей-то шарф. Директор снова сел, достал платок, вытер ладони поочерёдно, каждую до пальцев, и убрал платок, не спрятав его до конца.

Дверь распахнулась. Тимофей нёс папку двумя руками, как поднос. Сверху на картонной обложке было напечатано: «Годовые отчёты».

— Она была тяжёлая, — сказал он. — Для отчётов, я имею в виду. Ой.

Вера Павловна развязала тесёмки. Первый лист, второй, третий: таблицы, подписи, скрепки. Потом бумага пошла другая, плотная, с желтизной по краю. Она вынула лист двумя руками, за поля, и разложила его на столе поверх распечаток. Тушь выцвела до цвета чая, на месте Троицкой церкви была наклеена крохотная заплатка, а в правом нижнем углу карандашом стоял шифр: Ф. 3, ед. хр. 17.

Никто не двигался. Галя прикрыла рот ладонью.

— Рукописная карта города, тысяча девятьсот двенадцатый год, — сказала Вера Павловна. — Семён Аркадьевич вынес её в воскресенье вечером, спрятал среди годовых отчётов и держал при себе всю неделю. Он хотел продать её коллекционеру, сегодня, в семь. А в

журнал выдачи вписал «переплётные работы», чтобы пропажа выглядела бумагой, а не кражей.

— Я хотел... — начал директор и не закончил. — Это временно. Голубчик, я бы вернул. Вы не понимаете, обстоятельства...

— Понимаю, — сказала она. — Обстоятельства я тоже записала.

Она свернула листы, придвинула к себе папку с картой и подняла голову.

— Галя, вызовите председателя учредителя. Тимофей, со мной.

В хранилище пахло, как всегда, пылью и мокрым картоном. Ключ она взяла у стойки, расписалась в журнале своей чёрной ручкой, поставила время: 11.20. Замок на этот раз не поддался с лёгкостью, повернулся с тем самым тугим щелчком, который она слышала сорок лет. Карта легла в свою папку. Вера Павловна завязала тесёмки двойным узлом, потом ещё раз проверила, и только тогда вернула папку на полку.

Тимофей стоял в дверях, держа руки за спиной, чтобы не трогать.

— Мне тоже расписываться? — спросил он. — Ну, как свидетелю? Или это... не положено?

Вера Павловна протянула ему ручку.

— Вторая строка. Число, время, фамилия. — Она прикрыла дверь и повернула ключ. — А потом пойдём проверим витрину. Завтра в десять здесь будет весь город. Ты стремянку умеешь держать?

Об издании

Текст создан с помощью ИИ по заказу читателя. Для личного чтения.

Возрастное ограничение: 16+